

Vietnamese Migrants in Modern Russia: Resettlement, Institutions and Social Boundaries

Andrey A. Avdashkin

South Ural State University; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia.
 Email: [adrianmaricka\[at\]mail.ru](mailto:adrianmaricka[at]mail.ru) ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Received: 29 May 2024 | Revised: 16 August 2024 | Accepted: 28 August 2024

Abstract

In the post-Soviet period, migrants from Asian countries were unevenly distributed across Russian regions, which influenced the emergence of ethnic markets in the 1990s. In order to advance the field of migration and border studies, it is important to understand why communities of Vietnamese rather than Chinese or Central Asian migrants have formed in some cities. The presence of migrants suggested designating certain places with ethnic terms, etc. The paper is intended to answer the following questions: what is the geography of the settlement of migrants from Vietnam, in what cities and why exactly were Vietnamese markets formed and what migration institutions arose thanks to them. The archival documents from the post-Soviet era, and the results of the Author's field work in Magnitogorsk, Orenburg and Ufa made the source base for the research. The materials collected in Moscow, Chelyabinsk and Yekaterinburg provided great assistance. The methodological basis of the manuscript is the theory of mobility. Vietnamese communities were formed by migrants who did not leave Russian cities after 1991. The Vietnamese in these cities were engaged in commercial entrepreneurship, established Vietnamese markets and social infrastructure, invited compatriots through these institutions, and provided various kinds of support to "their own" people. However, the economic instability in Russia led to the immobility of the Vietnamese, both intentionally or involuntarily, which had a profound impact on the geography of the Vietnamese settlement in Russia and the ways of organizing social ties.

Keywords

Vietnamese; Migration; Mobility; Post-Soviet City; Vietnamese Market

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Вьетнамские мигранты в постсоветской России: расселение, инфраструктура и социальные границы

Авдашкин Андрей Александрович

Южно-Уральский государственный университет; Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Email: [adrianmaricka\[at\]mail.ru](mailto:adrianmaricka[at]mail.ru)

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Рукопись получена: 29 мая 2024 | Пересмотрена: 16 августа 2024 | Принята: 28 августа 2024

Аннотация

В постсоветский период мигранты из стран Азии неравномерно распределялись по российским регионам, что влияло на появление этнических рынков в 1990-е гг. Для продвижения поля миграционных и фронтирных исследований важно понять, почему в определённых городах складывались именно сообщества вьетнамских, а не китайских или, предположим, центральноазиатских мигрантов, которые оказывали влияние на маркирование тех или иных локаций этническими терминами и др. На примере Магнитогорска, Уфы и Оренбурга предпринята попытка ответить на следующие вопросы: как складывалась география расселения мигрантов из Вьетнама, в каких городах и почему возникали именно вьетнамские рынки, какие мигрантские институции благодаря им возникали. Основу источниковой базы составили архивные документы постсоветского времени, результаты полевой работы в Магнитогорске, Оренбурге и Уфе; вспомогательную роль играли материалы, собранные в Москве, Челябинске и Екатеринбурге. Теория мобильности составляет методологические рамки статьи. Вьетнамские землячества в изученных регионах, формировали на рубеже 1980-1990-х гг. мигранты, оставшиеся там после распада СССР и прибывшие в последующие годы. Обосновавшись в этих городах, вьетнамцы занялись торговым предпринимательством, создавали вьетнамские рынки и социальную инфраструктуру, приглашали через эти институции соотечественников, оказывали им различную поддержку. Однако экономическая нестабильность в России привела к имобильности вьетнамцев, добровольной или непроизвольной, оказывая глубокое влияние на географию их расселения и организацию социальных связей.

Ключевые слова

вьетнамцы; миграция; мобильность; постсоветский город; вьетнамский рынок

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Этнические рынки являются важным фактором возникновения районов концентрации мигрантов в российских городах. При этом рынки рассматриваются принимающей стороной как место сосредоточения той или иной группы, а также социальных практик, связанных с ней. Речь идёт о феномене китайских рынков, возникших во многих крупных городах, но дальнейшие события показали, что рынки могут маркироваться не только как китайские, но и как вьетнамские. Хотя словосочетание «вьетнамское общежитие» наделялось отрицательными смыслами, такие общежития не вызвали пристального внимания принимающей стороны, равно как не стали источником фобий о вьетнамских кварталах.

Поисковые запросы по теме «вьетнамский рынок в российском городе» выдают объекты в Москве, Воронеже, Уфе, Казани и др. Так вышло, что в одних уральских городах возникали китайские рынки (Челябинск и Екатеринбург), а в других – вьетнамские (Магнитогорск, Оренбург и Уфа). Фокусировка внимания на территориальных рамках Урала позволит выявить, как возникала условная граница между районами расселения вьетнамских и китайских мигрантов. Появление вьетнамских рынков, в отличие от китайских, практически не освещалось в литературе. Между тем ответ на вопрос, почему и как в определённых городах складывались именно вьетнамские рынки, а не китайские, ощутимо расширит представление о постсоветских миграциях.

Цель статьи – на примере Уфы, Оренбурга и Магнитогорска охарактеризовать формирование сообществ вьетнамских мигрантов. Это позволит ответить на следующие вопросы: как складывалась география расселения мигрантов из Вьетнама, в каких городах и почему образовывались именно вьетнамские рынки, какие мигрантские институции благодаря им возникали. Основное внимание фокусируется на биографических траекториях и, если угодно, «голосе» вьетнамских мигрантов, а не позициях и оценках принимающей стороны.

В последние годы сложился солидный пласт литературы о новейшей истории китайской и вьетнамской миграции (Соколов, 2011; Рязанцев, 2023; Ван, 2024), мигрантском предпринимательстве и возникновении этнических рынков (Дятлов, 2020; Peshkova, 2023), их роли в расселении мигрантов в российских городах (Варшавер и др., 2021). На сегодняшний день слабо изучены «социалистическая мобильность» и «социалистические миграционные пути» – множественные миграционные и транснациональные связи между Вьетнамом и странами бывшего советского блока (Hüwelmeier, 2013; Schwenkel, 2014).

Немалое внимание приковано к транснациональной жизни вьетнамских мигрантов, факторам, препятствующим или способствующим возвращению на родину. Добровольная или вынужденная утрата мобильности нуждается

в дальнейшем осмыслении, поскольку может дать новые ответы на вопросы о причинах расселения вьетнамских мигрантов (Тузова, 2017; Hoang, 2020; 2023). Рыночная торговля являлась основной сферой занятости вьетнамских мигрантов в силу того, что возможности официального трудоустройства ограничивались юридически. Сюда же отнесём слабое владение русским языком и различные формы дискриминации (Рязанцев и др., 2022; Hoang, 2023). Недостаточность источниковой базы для изучения вьетнамской миграции на общероссийском уровне привела к регионализации исследовательского фокуса, сбору отдельных кейсов для накопления материала (Валеев, 2008; Тюрина, 2009).

Материалы и методы

Основу источниковой базы составили полевые материалы, архивные документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). Ценные сведения содержали электронные медиа порталы («Комсомольская правда. Уфа», «РИА Новости» и др.). В 2019-2024 гг. собраны глубинные интервью с китайскими студентами и предпринимателями, живущими в Челябинске (16 предпринимателей, 27 студентов) и Екатеринбурге (9 предпринимателей, 12 студентов). В январе 2023 – феврале 2024 гг. проведена серия неструктурированных глубинных и экспресс-интервью с вьетнамскими мигрантами. В Челябинске собрано 6 глубинных и 11 экспресс-интервью, в Магнитогорске – 20 глубинных и 13 экспресс-интервью, реализовано в общей сложности 30 часов включённого наблюдения в местах работы и проживания мигрантов из Вьетнама в Магнитогорске. В Уфе – 5 глубинных и 18 экспресс-интервью, 4 глубинных и 14 экспресс-интервью взято в Оренбурге. В Москве – 6 глубинных и 20 экспресс-интервью. Собранный материал позволил реконструировать биографические траектории мигрантов из Вьетнама, объяснить их мотивы при выборе того или иного города для проживания и ведения бизнеса. Имена информантов изменены по согласованию с ними.

Знакомство и интервьюирование проходили на торговых точках, в кафе, на кухнях общежитий после завершения рабочего дня. Частично информанты отбирались методом снежного кома. Подавляющее большинство интервьюируемых, для которых торговля, общепит или коммерческая деятельность, связанная с рынком, являются основными видами занятости, находится в возрасте 30-56 лет. В общей сложности из 127 информантов-вьетнамцев, задействованных в исследовании, в России прожили от одного года до 5 лет – 14 человек (в основном это студенты или выпускники), 34 человека – порядка 10-15 лет, 57 человек – около 25-30 лет. Участников советской волны миграции конца 1980-х гг. насчитывалось 22 человека.

Документы, отложившиеся в фонде ФМС, содержат сведения об общей численности мигрантов из Вьетнама и подходах к регулированию миграции

из этой страны. (ГАРФ. 10349). Пользу принесли документы управления по взаимодействию с правоохранительными и военными органами Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-1879). Итоги переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг. содержат сведения о распределении вьетнамцев и граждан Вьетнама по уральским регионам. Данные источники, как отметили информанты, зафиксировали «ядро» вьетнамской общины, т. е. тех, кто на тот момент успешно реализовал предпринимательские проекты и проживал в России длительное время.

Основной теоретической рамкой работы является теория мобильности. Перемещение рабочей силы в пределах социалистического блока оказало решающую роль в том, что первопроходцы, сформировавшие вьетнамские общины, приезжали в города СССР, а потом оставались налаживать рыночную торговлю. Применение данного подхода объясняет причины, побудившие вьетнамских мигрантов приезжать в тот или иной регион, а потом становиться «неподвижными» (Hoang, 2023). Применение основных постулатов теории мобильности показывает, как взаимное пересечение людей (т. е. рабочих, предпринимателей и студентов), вещей и товаров определяло географию расселения вьетнамских мигрантов. Возникали узловые точки вьетнамской общины, связанные между собой сложной сетью различных взаимодействий как внутри страны, так и вовне. Все это дополнялось возможностью описать то, как различные режимы проживания выходцев из Вьетнама выстраивали их отношение к вещам, пространствам, собственной группе, своему жизненному опыту в контексте (им)мобильности (См.: Урри, 2012, с. 79-80). Избранная теоретическая рамка предполагала «следование за людьми и вещами», что позволило рассмотреть вьетнамских мигрантов как своеобразную коммуникативную локальность, функционирующую не только в рамках отдельного города и рынка, но в более широком пространстве.

Важную роль играло применение устной истории, сквозь призму которой не только получены «голоса» вьетнамских мигрантов, но и удалось понять, какими смыслами они наделяли своё пребывание в России на разных исторических этапах, почему оседали в тех или иных городах, как создавали мигрантские институции. Методически автора вдохновлял грандиозный проект Дж. Сахадео (2023), посвящённый жизни азиатских мигрантов в советских столицах – Москве и Ленинграде. Отталкиваясь от ностальгии по СССР, со значительной частью информантов, особенно представителями старшего поколения, было проще найти общий язык. Замкнутость вьетнамских общин осложняла реализацию задуманного проекта, требовала более тщательных поисков путей для выхода в исследовательское поле.

Вьетнамские мигранты: численность и расселение

Трудовая миграция из Вьетнама в СССР активизировалась в 1980-е гг., и по состоянию на 1989 г. в 70 областях Советского союза работали порядка 90 тыс. граждан Вьетнама, в основном в легкой промышленности, строительстве и машиностроении в регионах Приволжья, Центральной России и Западной Сибири. Определить численность вьетнамцев на Урале трудно, во всяком случае, они пока не фигурируют в историографии темы. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. вьетнамцы встраивались в рыночную торговлю, осваивая роли посредников, торговцев и челноков, что позволило после распада СССР сделать предпринимательство основным видом занятости (Рязанцев & Пискунов, 2023, с. 46; Мазырин, 2004, с. 366). Все это в совокупности, как показали полевые исследования, повлияло на географию вьетнамских рынков.

Результаты переписи населения и отрывочная статистика о миграции показали, что в Башкортостане действительно сложилась одна из наиболее заметных общин вьетнамских мигрантов в России (см.: таблица 1 и 2) – например, на крупнейшем вещевом рынке Уфы, включая развитие его инфраструктуры – перевозки и складирование, общественное питание и др. Сведения, собранные вьетнамской стороной, подтверждают эти данные. По состоянию на 2005 г. большинство вьетнамцев работали в Москве и Московской области – свыше 76%. Далее среди регионов, где наблюдалось сосредоточение вьетнамских мигрантов, следовали Башкортостан – 3,75 %, Приморский и Хабаровский край (2,82% и 1,65% соответственно), Воронежская – 1,44 % и Ульяновская области – 1,12%, Татарстан и Санкт-Петербург – 1,06 % (Chesnokov 2011, p. 15).

Таблица 1. Численность граждан КНР и Вьетнама в регионах Урала по данным переписи 2002, 2010 гг.
(Всероссийская перепись населения 2002; Всероссийская перепись населения 2010).

Table 1. Number of Chinese and Vietnamese citizens in the Urals regions according to the census data of 2002, 2010
(All-Russian Population Census 2002; All-Russian Population Census 2010).

Регионы	Граждане КНР		Граждане Вьетнама	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Челябинская область	187	82	322	199
Свердловская область	2147	1819	545	158
Пермская область ¹	29	198	15	36
Республика Башкортостан	68	49	826	862
Оренбургская область	15	12	46	136

1 С 2005 г. преобразована в Пермский край путём объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа

Таблица 2. Регионы России, лидирующие по численности вьетнамских трудовых мигрантов (первая пол. 2007 г.) (см.: Соколов, 2011, с. 228)

Table 2. Russian regions leading in the number of Vietnamese labour migrants (first half of 2007) (see: Sokolov, 2011, p. 228)

Регионы РФ	Количество вьетнамских мигрантов	
	в тыс. чел.	в % от общей численности
Москва и Московская область	40,8	76,8
Башкортостан	3,9	7,4
Приморский край	846	1,6
Хабаровский край	1,1	2
Остальные регионы	6,6	12,2
Итого	53,2	

Китайская миграция активизировалась несколько позднее вьетнамской. Обострение советско-китайских отношений в 1960-е гг. фактически прекратило формирование китайских общин в регионах СССР, в том числе на Урале (см.: Каменских, 2011). Ситуация изменилась в конце 1980-х гг., когда, утратив практически все барьерные функции в 1988-1993 гг., приграничье на участке с Китаем превратилось в зону интенсивной торговли, куда съезжались челноки со всех частей страны, в том числе вьетнамские рабочие, желающие подзаработать (Урбански, 2023, с. 423-427; Рязанцев & Пискунов, 2023). Развитие каналов трансграничной миграции и торговли вызвало стремительное распространение китайских товаров, а затем появление китайских рынков.

Екатеринбург по сравнению с другими региональными столицами Урала обладает значительными преимуществами для возникновения крупного оптово-логистического центра продвижения товаров из Центральной Азии и Китая. Китайским рынок «Таганский ряд» сделали не только «китайские товары, по китайским ценам, в китайском стиле» (см.: Дятлов, 2020, с. 587), но и заметное для принимающей стороны сообщество мигрантов из КНР (см.: Таблица 3; Каменских, 2011; Варшавер и др., 2020).

Пытаясь «навести порядок» в сфере миграции и функционирования рынков, как основного воплощения «мигрантскости», российские власти с 2007 г. устанавливают ограничения для иностранных граждан в розничной торговле (Михайлова & Тюрюканова, 2008). В 2009 г. закрывают Черкизовский рынок, аккумулировавший деловую активность примерно 60 тыс. китайцев (Zabyelina, 2012, p. 103-104). Надзорные органы отмечали, что заявленные цели – «навести на рынках порядок и защитить отечественных торговцев, фермеров» – в целом можно считать достигнутыми. Во всяком случае, официальная численность иностранных граждан в сфере торговли сократилась. Количество

китайцев на рынках уменьшилось со 101 тыс. до 96 тыс., вьетнамцев – с 72 тыс. до 62 тыс. Однако, по оценкам ФМС, представительство иностранцев в торговле продолжало оставаться на высоком уровне – около 403 тыс (ГАРФ. Ф. 10349. Оп 1. Д. 261. Л. 70). После введения данного запрета цены на вещевых рынках пошли вверх, поскольку существенной частью «дешевого привоза» управляли челноки из Китая и Вьетнама. Например, в Челябинске цены сразу поднялись на 16% (Газеты пишут..., 2007).

Таблица 3. Регионы России, лидирующие по численности китайских трудовых мигрантов (2008 г.)

Table 3. Russian regions leading in the number of Chinese labour migrants (2008)

Регионы РФ	Количество китайских мигрантов	
	в тыс. чел.	в % от общей численности
Москва	80	28,7
Забайкальский край	27,3	9,7
Амурская область	23,6	8,4
Иркутская область	17,3	6,1
Красноярский край	16,5	5,8
Свердловская область	16,1	5,7
Приморский край	16	5,7
Хабаровский край	10,9	3,9
Новосибирская область	10,3	3,7
Санкт-Петербург	9,8	3,5
Остальные регионы	52,9	18,8
Итого	281,7	

В 2009 г. ФМС раскрыта широкая сеть организаций, предоставляющих услуги по легализации гражданам КНР и Вьетнама. Это воспринималось как индикатор непонимания властями в регионах «серьезности ситуации с привлечением трудовых мигрантов из этих стран» (ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 261. Л. 62, 69). Подчеркивалось, что руководителям на местах необходимо «сдерживать миграцию, ведущую к формированию чайнатаунов, вытеснению граждан России с рынка труда, развитию криминальных практик, увеличению сообществ мигрантов, живущих по своим законам и проводящим политику стран исхода и др.». На особый контроль ставился вопрос о перемещении мигрантов с Черкизовского на другие рынки Москвы (Там же. Л. 72, 132).

Реализуя эти меры, региональные власти получили определенные представления о численности и гражданстве мигрантов, работающих на крупных

рынках. В Челябинской области осуществляли торговую деятельность 4316 иностранных граждан, среди которых преобладали граждане КНР – 1290 и Таджикистана – 1011, граждане ряда других государств Центральной Азии и Южного Кавказа¹ (ОГАЧО. Ф. Р. 1879. Оп. 1. Д. 46. Л. 192). Для сравнения: на Вьетнамском рынке в Уфе торговлей занимались 862 гражданина Вьетнама и около 1 тыс. россиян (Вьетнамский рынок в Деме..., 2007). При этом закрытие Черкизовского рынка привело к значительному увеличению количества вьетнамских мигрантов. Если в конце 2008 г. в Башкортостане на легальных основаниях находилось 500 граждан Вьетнама, то к началу 2010 г. уже 2305 (УФМС Башкирии: приток мигрантов..., 2010). По оценкам вьетнамской общины, в Свердловской области в 2009 г., когда сказались эффекты от изменений в законодательстве и мирового экономического кризиса, насчитывалось около 600 вьетнамцев и 5 тыс. китайцев (Nguyễn Huy Hoàng, 2009). В Свердловской области увеличение численности вьетнамских торговцев не фиксировалось (Тень «Черкизона»..., 2009).

Запретительные меры зачастую обходили, нанимая продавцов из числа местных жителей. Предприниматели, по-прежнему владея торговыми местами или контейнерами на оптово-розничных рынках, уходили от роли «хозяина-продавца» и переквалифицировались² в «хозяина», «оптовика-управленца», иногда «хозяина-помощника продавца». Распространенной стратегией стало получение вида на жительство и т. д. В Челябинской области в 2009 г. вид на жительство имели около 250 граждан Вьетнама, РВП – 247, что давало возможность официально работать на рынках (ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 271. Л. 86–87).

Вьетнамские мигранты в ответ на введённые запреты переориентировались на создание небольших цехов по пошиву одежды, в том числе подпольных, которые время от времени «накрывали» силовики в Москве и регионах Урала (см.: Тысяча вьетнамцев..., 2009; В Екатеринбурге закрыли..., 2013). Китайцы, к примеру, в Челябинской области, стали проявлять более пристальное внимание к организации сельскохозяйственных производств – китайских теплиц (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 101–102).

По данным посольства Вьетнама в России, в конце 2010 г. насчитывалось порядка 70 тыс. вьетнамцев. Самые значительные общины были представлены в Москве – около 30 тыс. человек, в Санкт-Петербурге – более 8 тыс., Уфе – порядка 1 тыс., Екатеринбурге – 800 человек, Казани – 700 человек, Краснодаре – 500, Волгограде – 400, а также во Владивостоке, Воронеже, Самаре, Челябинске и других городах (Соколов, 2011, с. 228). Материалы переписи населения и архивные документы показали, что на Урале в постсоветский период возникли минимум две локации, где в сфере торговли преобладали мигранты из КНР и Вьетнама. На Таганском ряду в Екатеринбурге это были китайцы,

1 Речь идёт о гражданах Узбекистана – 729, Казахстана – 537, Кыргызстана – 393, Азербайджана – 166, Армении – 103. Граждан Вьетнама насчитывалось только 87 человек.

2 Нередко по документам часто оформлялись строителями, овощеводами и др.

а на Демовской базе в Уфе – вьетнамцы, что влияло на маркирование рынков соответствующими этническими терминами и возникновение там специфической мигрантской инфраструктуры, речь о которой пойдёт ниже.

Уфа, Оренбург и Магнитогорск: сравнение случаев

Индикатором присутствия вьетнамцев в изученных городах остаются вьетнамские рынки и кухни, частично общежития, но улучшение экономической ситуации во Вьетнаме и её осложнение в России в последнее десятилетие заметно сокращает миграцию, снижаются доходы вьетнамских предпринимателей. По данным Всемирного банка, уровень бедности во Вьетнаме в 2010–2020 гг. значительно сократился: с 16,8% до 5% (Всемирный банк: *Уровень бедности во Вьетнаме...*, 2022). Так если в 2002 г. 29% населения Вьетнама жили менее чем на 2,15 долл., то в 2010 г. 2,9% и эта доля продолжает неуклонно снижаться (см.: *The World Bank...*). Развитие предпринимательской деятельности за пределами Москвы для вьетнамцев утрачивало смысл. Продолжали её те, кто сколотил капитал на предыдущих этапах, когда высокий уровень бедности на родине служил мощным выталкивающим фактором, а возможность заработать на рынках российских городов-миллионников стимулировала трудовую миграцию.

Как отметили информанты, расположение условно вьетнамских рынков сложилось в самом начале 1990-х гг., когда первые группы вьетнамцев занялись доставкой и распространением товаров, шедших из Москвы или с Дальнего Востока. Со слов информанта Лао, имевшего деловые отношения с вьетнамцами из Уфы и Казани, основа этого бизнеса выглядела следующим образом: товары доставлялись в Москву из Китая, Польши или Вьетнама, а затем распродавались как в розницу – москвичам, так и оптом – челнокам из регионов. С одной стороны, в столице находился крупнейший транспортный узел, а с другой – сложилась самая значительная община вьетнамцев, связи с которой играли крайне важную роль. Основу предпринимательских сообществ вьетнамцев в Уфе, Магнитогорске и Оренбурге организовывали контрактники, которые приехали работать в поздний СССР, но, оставшись без постоянных доходов, решили «зарабатывать» в условиях становления рыночной экономики, а затем перешли к набору персонала на родине или среди новых партий рабочих, прибывавших вплоть до середины 1990-х гг.

Вот одна из типичных историй. Гу приехал в 1988 г. работать на одно из предприятий химической промышленности в Уфе, но в скором времени понял, что ездить в Москву на выходные и привозить товары для реализации на развалах Уфы или Куйбышева (ныне Самара) выгоднее работы на заводе. Укрепление деловых связей с земляками в столице и Уфе помогло извлекать «левые» доходы в два-три раза больше официальной заработной платы, а комнаты в общежитиях использовались в роли складов, торговых точек и

офисов. На основном месте работы прогулы продавцов – вьетнамских коллег – закрывались больничными листами, полученными за взятку.

Интервью Гу и подобных ему людей содержали определённое разочарование от приезда в крупные центры СССР, где они ожидали приобщиться к развитому социалистическому обществу, а вместо этого столкнулись с бытовой ксенофобией, поборам и вынужденно стали свидетелями окончательной деградации советского проекта. Эти обстоятельства, с одной стороны, сплачивали небольшие группы вьетнамцев, а с другой – на долгий период делали их «неподвижными» (Hoang, 2023) там, где они застали первую половину 1990-х гг. На месте их прочно удерживали жильё и общежития, наработанные социальные связи, относительно налаженные источники дохода, отсутствие возможности вернуться на родину или вложиться в другом месте. В начале 2000-х гг. Гу перебрался в Москву, на момент проведения полевых исследований работал на рынке «Садовод», поддерживал тесную связь со своими друзьями и коллегами в Уфе.

Пополнению и определённой ротации состава изученных сообществ помогала образовательная миграция. По данным А. В. Валеева, в 2008 г. в Уфе обучалось не менее 108 вьетнамских студентов, в Свердловской области в 2007 г. официально числилось около 450 вьетнамских студентов (Валеев, 2008, с. 92; Соколов, 2011, с. 230-231). В их числе был Тан, поступивший по совету родственников и школьного учителя в БГПУ¹. Большинство учащихся совмещали учёбу с работой на рынке, обеспечивали функционирование разветвлённой рыночной инфраструктуры в качестве торговцев, разнорабочих, персонала вьетнамских кухонь, популярность которых стремительно росла, обеспечивая дополнительный доход своим хозяевам. Тан работал переводчиком для тех, кто желал найти поставщиков во Вьетнаме, или взаимодействовал с вьетнамцами, занимался оформлением документов.

О важной роли Демовской базы в повседневной жизни вьетнамской общины Уфы говорит то, что в 2002-2021 гг. по данному адресу находилось «Общество вьетнамских граждан в Республике Башкортостан» (Полицейские наведались на Демский рынок..., 2019). По словам Хон, его основу составляли 30-40 наиболее обеспеченных и авторитетных предпринимателей, которые организовывали торжества, обеспечивали связь с администрацией рыночного комплекса, представителями силовых структур и посольством Вьетнама.

На первый взгляд собранный материал позволяет иллюстрировать появление трёх локаций, маркируемых горожанами как вьетнамские рынки. Будучи непосредственно связанными с рынком как явлением постсоциалистического транзита ещё на рубеже 1980-1990-х гг., вьетнамцы длительное время проживали в этих городах. На изученных примерах видно, как изменился коллективный портрет мигрантов: на смену вьетнамцам постепенно приходили мигранты из Центральной Азии, где-то даже приезжие из сельской местности,

1 Башкирский государственный педагогический университет, с 2006 г. Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы

в том числе казахи, татары и башкиры. Хотя «вьетнамскость» в облике городов и рынков сокращалась, в каждом отдельном случае это происходило неравномерно. В Оренбурге и Магнитогорске это ощущалось в большей степени, в Уфе – в меньшей. Новостные издания Уфы, информанты подчёркивали заметность вьетнамцев на Демовской торговой базе, что давало горожанам определённые основания называть рынок «вьетнамским» или «вьетнамкой» (Теперь причастен и министр торговли..., 2021).

Полевые исследования в Оренбурге и Уфе не выявили вьетнамских общежитий, как в случае с Магнитогорском. Крайне сложно говорить о том, что рынки каким-то образом оказали влияние на расселение мигрантов в этих городах в целом. При этом, если в Магнитогорске, напряжённость в дискуссии о вьетнамском рынке вносит скорее факт присутствия мигрантов из Таджикистана, то в Оренбурге и Уфе такие вопросы за редким исключением не возникают. Это вызвано тем, что на территории, примыкающей к рынку в Магнитогорске, с одной стороны, находится ряд бывших заводских общежитий, занятых мигрантами из Центральной Азии и частично Вьетнама, а с другой – напротив рынка расположена соборная мечеть.

Среди причин упадка вьетнамского бизнеса в Магнитогорске в последнее десятилетие названа не только экономическая нестабильность, но и миграция из Таджикистана. Невозможность увеличить доходы, и нарастающая социальная изоляция вынудили некоторых информантов выбраться из Магнитогорска в короткий период, прошедший между полевыми исследованиями в этих городах. Торговые места на Центральной ярмарке в Магнитогорске по-прежнему работают, исправно принося определённый доход, но основная деятельность развёрнута теперь в Москве или Уфе, в том числе на вьетнамском рынке. Фан оставил свою «точку» на младшего сына, а сам с женой уехал в Уфу, вложил деньги в торговый павильон и открытие более рентабельного, по его мнению, бизнеса – вьетнамского кафе (См.: Авдашкин, 2024).

Меньше всего материалов получилось собрать в Оренбурге. Как выяснилось, в этом городе вьетнамская община в череде изученных случаев была одной из самых малочисленных – по оценкам информантов, не более 150-200 чел., из них в переделах рынка порядка 100. Крупный пожар в 2017 г. (Слёзы вьетнамцев..., 2017), пандемия коронавируса и экономическая нестабильность последних лет значительно сократили количество вьетнамцев и рентабельность их бизнеса. Зин рассказал, что возможность развернуться в Оренбурге серьёзно сдерживалась невысокой покупательной способностью жителей, «даже в соседнем Магнитогорске у знакомых дела лучше бывали».

Возможность получения стабильных доходов и развития бизнеса влияли на численность выходцев из Вьетнама. Данные о количестве вьетнамцев, названные информантами, не существенно разнятся с результатами переписи населения по национальному составу (см.: таблица 4). Именно период 2000-2013 гг. воспринимается «временем относительного достатка», когда

ежемесячный доход в среднем мог находиться на уровне 1 тыс. долл. и даже выше.

Таблица 4. Численность вьетнамцев в регионах Урала по данным переписи населения 2002, 2010, 2020 гг., полевых материалов автора (Составлено автором по: Всероссийская перепись населения..., 2023; Переписи населения...)

Table 4. Number of Vietnamese in the Urals regions according to the census data of 2002, 2010, 2020, field materials of the author (Compiled by the author according to: All-Russian Population Census..., 2023; Population Census...).

Регионы	2002 г.	2010 г.	2020 г.	Данные информантов (2023-2024 гг.)
Челябинская область	350	423	111	800-1000
Свердловская область	567	212	172	Нет данных
Пермская область	99	74	19	Нет данных
Республика Башкортостан	1204	1337	729	1500
Оренбургская область	97	202	155	150-200

Характеризуя интенсивность связей между вьетнамскими общинами, все информанты отмечали столицу Башкортостана (иногда в этом ряду ещё называли Казань) как основной центр притяжения вьетнамских мигрантов за пределами Москвы и Дальнего Востока. В ходе полевых исследований выяснилось, что многие информанты или их знакомые переехали в Уфу из Челябинска и др. городов Урала, Поволжья. Основной мотив – поиск работы на рынке или в обслуживании инфраструктуры для мигрантов не только из Вьетнама, но и других государств – заведения общепита, посреднические услуги в оформлении документов.

В медиа встречен характерный пример. Некая Хуон Дин Тхи рассказала, что приехала в Челябинск в конце 1980-х гг. в составе группы из 150 девушек работать на обувной фабрике, а в 1990-х гг. отправилась в Уфу, где занялась бизнесом – торговля на рынке, выращивание овощей на продажу, пассажирские перевозки для «своих» (Базекина, 2019). Вот как «старожилы» вьетнамского рынка представили географию своих социальных и деловых связей.

Ездили в Москву там брали вещи, привозили в Казань или Уфу, небольшие партии забирали свои вьетнамцы в Оренбург, Самару...

Уфа и ряд других городов, расположенных вокруг неё, рассматривались, как территории, где была возможность успешно конкурировать на местных вещевых рынках, опираясь на небольшие группы земляков. В свою очередь для китайских челноков и предпринимателей закрепиться где-то вдали от Екатеринбурга представлялось нецелесообразным, влекло повышение

издержек, поэтому обосноваться в Уфе китайцы не стремились. Сон подметил, что китайцев никто не вытеснял, они «не заходили сами», а полагались на преимущество в дешёвой логистике и достаточной ёмкости рынков Екатеринбурга и Челябинска. Эти доводы нашли подтверждение в интервью с китайскими информантами.

«Мы – есть, но нас в этом городе словно нет»

Информанты во всех изученных случаях отметили, что полагаются на принцип: «мы – есть, но нас – нет». За исключением нелегальных рабочих швейных фабрик, которых работодатели изолируют на производствах и в общежитиях, незаметность для вьетнамских мигрантов – вынужденная мера. Она вызвана ощущением бытовой дискриминации и проявлениями ксенофобии (см.: Тузова, 2017, с. 81) в повседневной жизни, ожиданием того, что «столкнёшься со злым отношением, несправедливостью и оскорблениями». Постоянная необходимость соблюдать осторожность способствует выработке эффективных механизмов, регулирующих и дисциплинирующих повседневную жизнь. По этим причинам сети социальных институций вьетнамцев складывалась и развивалась преимущественно вне публичного пространства, поскольку это помогало избегать конфликтов, а самое главное, устраняло проблему пристального внимания к доходам. Полевые материалы содержали немало свидетельств того, что вьетнамцев пытались «грабить, обманывать на деньги». Хотя в то же время информанты называли случаи, когда их соотечественники уходили в подполье, занимаясь каким-либо криминальным бизнесом. По словам Винь, это «салоны для оказания сексуальных услуг, притоны, ночлежки». В материалах медиа обнаружены упоминания о таких вьетнамских локациях (см.: Вьетнамцам подложили фугас..., 2004; Во вьетнамском общежитии..., 2012; Только для смелых..., 2019).

По данным МВД, в начале 2000-х гг. китайские и вьетнамские преступные формирования действовали на территории Приморского и Хабаровского края, в Иркутской, Свердловской и Челябинской областях. Пока не удалось найти более подробных сведений о характере их деятельности, но опыт общения с информантами говорит о том, что в основном такие группы могли заниматься контрабандой товаров массового потребления, уходом от уплаты налогов, сбором дани с бизнесменов из Вьетнама и КНР, обслуживанием теневых сторон жизни крупных этнических рынков (Растет преступность..., 2003).

Сокращая передвижения в одиночку и связанные с этим риски до минимума, вьетнамцы создали целую сеть «своих надёжных перевозчиков» или проживают по соседству с торговыми площадями, даже если это сопряжено со сложными бытовыми условиями в переполненных комнатах общежитий или на съёмных квартирах (см.: Hoang, 2023). Информанты с горечью констати-

руют, что из всех групп мигрантов, с которыми они взаимодействуют, именно они – вьетнамцы – находятся в наиболее уязвимом положении.

Опросы общественного мнения, проведённые до пандемии COVID-19, фиксировали рост неприязненного отношения к китайцам и вьетнамцам (Уровень ксенофобии..., 2024), хотя на межгосударственном уровне отношения развивались конструктивно. С точки зрения информантов, наличие фобий, связанных с развёртыванием китайских рынков в Челябинске и Екатеринбурге, отрицательно сказывалось на вьетнамцах, они воспринимались в этих городах именно как китайцы, подвергались усиленному давлению со стороны правоохранителей, неформальных структур и групп влияния (кто-то из интервьюируемых назвал их «важные люди»).

Информанты давали понять, что им известны случаи грабежей, избиений их соотечественников, грубейших нарушений их прав со стороны правоохранителей, но наотрез отказались рассказать об этом. В ходе анализа медиа сюжетов встречен конфликт горожан и вьетнамских мигрантов, когда в августе 2005 г. группа из нескольких десятков последних повздорила с кампанией местных парней на пляже в Михайловке. Сотрудники милиции задержали тогда 32 гражданина Вьетнама (Уфимские вьетнамцы..., 2005). Такие ситуации носили не единичный характер, но чаще всего жертвами преступных посягательств и уличного насилия становились именно вьетнамцы, что усиливало среди них чувство фрустрации и повышало тягу к самоизоляции.

В этой связи неоднократно подчёркивалась особая атмосфера Уфы, где по сравнению с другими городами вьетнамцы ощущали себя вполне комфортно, не подвергались социальному давлению в повседневной жизни и на работе. Наличие в городе достаточно большого количества земляков, связанных между собой плотными сетями взаимопомощи и поддержки, ощутимо снижало негативное воздействие жизненных трудностей, сглаживало личные и межгрупповые конфликты. Челябинск и Екатеринбург в интервью не фигурировали или упоминались лишь второстепенно, после ряда наводящих вопросов.

подавляющее большинство информантов не ощущают стабильности в России. Главным образом их тревожит шаткость правового положения вьетнамцев – значительная часть не имеет даже вида на жительство или разрешения на временное проживание. Сами интервьюируемые умолчали о том, каков их статус. Тем самым они могут в любой момент покинуть страну и уехать во Вьетнам, но в ситуации выбора многие все равно выбирают остаться в России. Решение уехать обратно во Вьетнам оказывается для участников исследования крайне сложным, как они сами признавались, скорее всего, нереальным в ближайшей перспективе. Социальное положение уехавших в той или иной миграционной волне на заработки поддерживалось положительной историей об успешно функционирующем бизнесе, приглашениями «заработать», подарками и демонстративным потреблением во время поездок на родину и др. Другие неплохо освоились в нише, связанной с оформлением

многочисленных документов для мигрантов, преодолением языкового барьера, урегулированием отношений с представителями местных властей. Сохраняя статус влиятельного лица и бизнесмена, Гао, как и многие другие информанты, не рискует покинуть «освоенный рынок» в Москве, его вложения ещё не окупились в полном объёме.

Дискуссия и выводы

В историографии по поднятой проблеме подчёркивалось, что обстоятельства формирования современных вьетнамских сообществ в восточных землях Германии (Huwelmeier, 2013, p. 80–81), Словакии (Balaž & Williams, 2005, p. 1–2), Чехии (Nozina, 2009, p. 234–238), Польше (Nowicka, 2015, p. 68) и России (Соколов, 2016, с. 146–147) во многом имеют схожие черты. В 1950–1980-е гг. Вьетнам со странами социалистического лагеря прочно связала сложная сеть миграций: образовательных, туристических и трудовых, происходивших в рамках межгосударственных соглашений. Распад СССР и завершение трудовых договоров привели к массовому возвращению этих людей обратно, но благоприятная для открытия бизнеса экономическая ситуация – в основном торговля на вещевых рынках – в сочетании с поддержкой тех, кто закрепился в этой сфере, спровоцировали новые волны миграции.

Творческий проект, начатый с локального, казалось бы, даже изолированного кейса – вьетнамского рынка в Оренбурге и Орске – быстро расширял свои территориальные рамки. Опора на принцип «следуй за вещью и людьми» (см.: Конрад, 2018) вела от одной вьетнамской общины к другой: от Магнитогорска в Оренбург, далее в Уфу, в Москву и обратно по всей этой цепочке. «Следовать» так дальше – во Вьетнам или Польшу – просто не получилось, хотя прошлое и настоящее информантов вело и туда. По мере того, как сюжетное дерево наполнялось новым контентом, локациями и биографическими деталями, приходило понимание того, что вьетнамский рынок является частью более сложной системы отношений и связей между группами вьетнамских мигрантов, появление которых происходило на рубеже 1980 – 1990-х гг.

Основу вьетнамских общин в Уфе, Магнитогорске и Оренбурге составили мигранты советского времени, которые вынужденно втягивались в рыночную торговлю, а затем для сохранения и расширения своего бизнеса привлекали соотечественников в 1990-е гг., в меньшей степени в 2000-е гг. География вьетнамских рынков на Урале сложилась в момент краха советского проекта, свидетелями которого оказались вьетнамские рабочие, задержавшиеся по каким-то причинам в позднем СССР. Собранный полевой материал раскрывает эти аргументы на примере периферийных по отношению к Москве вьетнамских рынков.

Нестабильный характер рыночной торговли и государственные кампании по усилению контроля над миграцией делают жизнь мигрантов в постсоветской России крайне нестабильной. Будучи ограничены в получении легальных

доходов, доступе к инструментам защиты своих прав, вьетнамские мигранты принимают режим (само)эксплуатации со множеством прямых и скрытых затрат на ведение бизнеса, проживание и др. Бывшие рабочие контрактники советского времени и образовательные мигранты хорошо освоили русский язык, обзавелись полезными связями и фактически создавали вьетнамские рынки и торговые центры в столице, Уфе, Магнитогорске и Оренбурге. Хотя не все они находились в лучшем положении, чем остальные вьетнамские мигранты, как с точки зрения экономического положения, так и с точки зрения юридического статуса, владение русским языком и широкая сеть знакомств в результате позволили утвердиться в качестве важных посредников, связующих вьетнамские общины с российским обществом и представителями органов власти. Поскольку повседневная жизнь вьетнамских мигрантов протекает в безопасных границах общин, таким посредникам принадлежит решающая роль в случаях, когда пересечение этих невидимых границ неизбежно для получения доступа к государственным услугам, урегулирования возникших проблем.

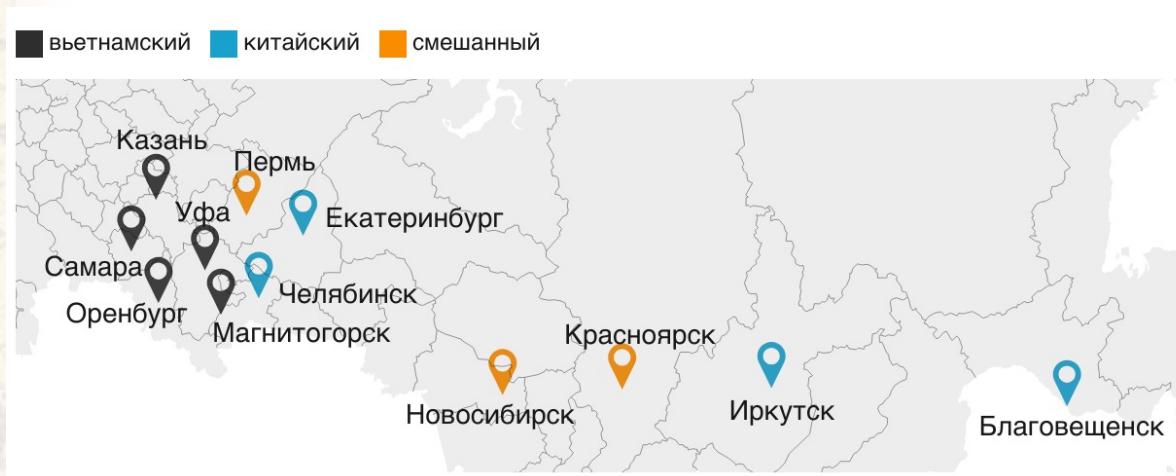

Рисунок 1. Карта вьетнамских рынков в российских регионах (Составлено автором)

Figure 1. Map of Vietnamese markets in Russian regions (Compiled by the author)

Случай вьетнамской миграции продвигает поле фронтальных и миграционных исследований тем, что даёт представление о том, как происходило расселение вьетнамских мигрантов, а затем появление границы между китайскими и вьетнамскими рынками, которая заметна на Урале (см.: Рис. 1). Собственно география этнических рынков не являлась основной целью анализа – их расположение, пусть и условное, поможет лучше понять новейшую историю миграций, выявить факторы, способствовавшие появлению мигрантских институций. Предложенная карта не претендует на полноту отражения всех этнических рынков, поскольку в памяти информантов, равно как и в поисковых системах, материалах печатной и интерак-

тивной прессы могли не отразиться значимые события, связанные с вьетнамской миграцией, существованием тех или иных рынков и др. Картировать получилось далеко не все кейсы, но расширение и дополнение подобной визуализации обладает осязаемым научно-практическим потенциалом для реконструкции новейшей истории миграций.

Китайские мигранты и локации, ими сформированные – во всяком случае, изученные коллегами – концентрировались в районах, удобных для продвижения китайских товаров (Рыжова 2008; Дятлов 2020). Вьетнамские мигранты проживали в указанных на карте городах СССР / РФ до появления китайцев и налаживали там торговую деятельность (Соколов, 2011). Китайская миграция хронологически происходила несколько позже, но носила более интенсивный характер. Граждане КНР использовали широкие возможности, возникшие на фоне улучшения межгосударственных отношений, открытия границ и складывания выгодной экономической ситуации для товарообмена. В то же время есть ситуации, где в сфере торговли соседствуют мигранты из разных стран, пока условно названные смешанными.

Проведённое исследование ставит новые исследовательские вопросы как для работы на российском материале, так и для межстранового анализа: каков потенциал концепции социалистической мобильности в изучении миграционных связей между странами бывшего социалистического блока; как российский случай встраивается в новейшую историю глобальной общности вьеткьеу (т.е. диаспора вьетнамцев); в чем заключаются сходство и различия опыта вьетнамской и, к примеру, центральноазиатской миграции в Россию в последние десятилетия.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 23-28-10211, <https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

Крайне признателен всем анонимным информантам, согласившимся принять участие в этом непростом проекте.

Список литературы

- Balaž, V., & Williams, A. M. (2005). Vietnamese Community in Slovakia. *Sociologia-Slovak Sociological Review*, 3(37), 249–274.
- Chesnokov, A. (2011). *Sự di cư qua lại Nga-Việt: Những khía cạnh lịch sử, kinh tế-xã hội và chính trị*. [Migration between Russia and Vietnam: Historical, socio-economic and political aspects]. Vietnam National University. (In Vietnamese).
- Hoang, L. A. (2020). *Vietnamese Migrants in Russia: Mobility in Times of Uncertainty*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv15d7zx2>
- Hoang, L. A. (2023). Migrant immobilities in the periphery: Insights from the Vietnam-Russia corridor. *Mobilities*, 18(6), 985–999. <https://doi.org/10.1080/17450101.2023.2177183>

- Huwelmeier, G. (2013). Bazaar Pagodas – Transnational Religion, Postsocialist Marketplaces and Vietnamese Migrant Women in Berlin. *Religion and Gender*, 3(1), 76. <https://doi.org/10.18352/rg.8414>
- Nguyễn Huy Hoàng. (2009). Cộng đồng người Việt nơi thủ phủ Ural. [Vietnamese community in the Ural capital]. Mekong News. <http://mekongnet.ru/index.php?mod=News&sid=6927> (In Vietnamese)
- Nowicka, E. (2015). Between the Devil and the Deep Blue Sea: Acculturation of Young Vietnamese Women in Poland. *Central and Eastern European Migration Review*, 1, 67–80.
- Nožina, M. (2010). Crime networks in Vietnamese diasporas. The Czech Republic case. *Crime, Law and Social Change*, 53(3), 229–258. <https://doi.org/10.1007/s10611-009-9226-9>
- Peshkova, V. M. (2023). Types and Development Stages of Migrant Entrepreneurship in Russia. *Changing Societies & Personalities*, 7(4), 93. <https://doi.org/10.15826/csp.2023.7.4.253>
- Schwenkel, C. (2014). Rethinking Asian Mobilities: Socialist Migration and Post-Socialist Repatriation of Vietnamese Contract Workers in East Germany. *Critical Asian Studies*, 46(2), 235–258. <https://doi.org/10.1080/14672715.2014.898453>
- Viet Nam. (n.d.). The World Bank. <https://data.worldbank.org/country/viet-nam?view=chart>
- Zabyelina, Y. (2012). Costs and benefits of informal economy: Shuttle trade and crime at Cherkizovsky market. *Global Crime*, 13(2), 95–108. <https://doi.org/10.1080/17440572.2012.674185>
- Авдашкин, А. А. (2024). Вьетнамский рынок в постсоветском городе: история, социальные границы и инфраструктура (на примере Магнитогорска). *Журнал Фронтирных исследований*, 9(1), 36–59. <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i1.540>
- Базекина, Я. (2019). «В магазинах трудно найти мясо лягушек и змей»: Что вьетнамцы думают о жизни в Башкирии. *Комсомольская правда*. Уфа. <https://www.ufa.kp.ru/daily/27049/4115335/>
- В Екатеринбурге закрыли подпольный цех нелегальных мигрантов. (2013). *Правда УрФО*. <https://pravdaurfo.ru/news/v-ekaterinburge-zakryli-podpolnyy-ceh-nelegalnyh-migrantov/>
- Валеев, А. В. (2008). *Вьетнамская диаспора в Республике Башкортостан* [Диссертация кандидата исторических наук]. Уфимский научный центр РАН.
- Ван, Ц. (2024). Китайская диаспора Дальнего Востока России: История, современность и перспективы. *Quaestio Rossica*, 12(1), 66–78. <https://doi.org/10.15826/qv.2024.1.865>
- Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л., & Иванова, Н. С. (2021). Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, 425–449. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1939>
- Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л., Иванова, Н. С., & Ермакова, М. А. (2020). Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: Есть ли паттерн? *Социологическое обозрение*, 19(2), 225–253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>
- Во вьетнамском общежитии в Москве задержаны наркоторговцы. (2012). *РИА Новости*. <https://ria.ru/20120412/624959241.html>
- Всемирный банк: Уровень бедности во Вьетнаме значительно снизился. (2022). *Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама*. <https://ru.dangcongsan.vn/vjetnam->

[stremlenie-k-procvetaniyu/vsemirnij-bank-urovenj-bednosti-vo-vjetname-znachiteljno-snizilsya-6446.html](https://doi.org/10.46539/jfs.v9i4.603)

- Всероссийская перепись населения 2002. (б. д.). <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78>
- Всероссийская перепись населения 2010. (б. д.).
https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom11.htm
- Всероссийская перепись населения 2020. (б. д.).
<https://fadm.gov.ru/otkrito-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/>
- Вьетнамский рынок в Деме временно закрывается. (2007). Комсомольская правда. Уфа.
<https://www.ufa.kp.ru/daily/23837.5/204323/>
- Вьетнамцам подложили фугас. (2004). Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/468328>
- Газеты пишут о первых результатах отлучения иностранцев от рынков. (2007). Демоскоп Weekly. <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/gazeta025.php#1>
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (б. д.).
- Дятлов, В. И. (2020). «Этнические рынки» – мигрантские локальности в постсоветском городском пространстве. *Журнал исследований социальной политики*, 18(4), 577–592.
<https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592>
- Каменских, М. С. (2011). *Китайцы на Среднем Урале в конце XIX - начале XXI в.* Маматов.
- Конрад, С. (2018). *Что такое глобальная история? Новое литературное обозрение.*
- Мазырин, В. М. (2004). Вьетнамские мигранты в современной России: Пути возникновения, образ жизни, отличительные черты и особенности. В *Проблема незаконной миграции в России: Реалии и поиск решений* (с. 357–410). Гендальф.
- Михайлова, Е., & Тюрюканова, Е. (2008). Мигранты в розничной торговле: Эффект запретов. В Г. Витковская, А. Платонова, & В. Школьников (Ред.), *Миграционное законодательство Российской Федерации: Правоприменительная практика* (с. 237–266). ИТ «АдамантЪ».
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (б. д.).
- Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. (б. д.).
<https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>
- Полицейские наведались на Демский рынок в Уфе. (2019). *Mkset.ru*. <https://mkset.ru/news/2019-03-10/politseyskie-navedalis-na-demskiy-rynok-v-ufe-1850703>
- Растет преступность, связанная с иностранцами. (2003). Демоскоп Weekly.
<https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0135/barom06.php>
- Рыжова, Н. П. (2008). Благовещенск: В поисках «чайнатауна». *Этнографическое обозрение*, 4, 17–31.
- Рязанцев, С. В., Ле Дык, А., Фунг Хай, Х., & Моисеева, Е. М. (2022). Вьетнамская диаспора в России и ее вклад в развитие двусторонних отношений. *Вьетнамские исследования*, 6(3), 34–45.
<https://doi.org/10.54631/V.S.2022.63-106318>
- Рязанцев, С. В., & Пискунов, С. А. (2023). Организованная трудовая миграция вьетнамцев в Россию: История и современность. *Вьетнамские исследования*, 7(3–2), 39–52.
<https://doi.org/10.54631/V.S.2023.732-288542>
- Сахадео, Дж. (2023). *Голоса советских окраин. Жизнь южных мигрантов в Ленинграде и Москве.* Новое литературное обозрение.

- Слёзы вьетнамцев: В Оренбурге горит рынок. (2017). Регнум. <https://regnum.ru/news/2352591>
- Соколов, А. (2011). Вьетнамцы в России: История, культура, интеграция. *Диаспоры*, 1, 219–244.
- Соколов, А. (2016). Вьетнамцы в России: История миграций и диаспоры. В С. Панарин (Ред.), *Восток на Востоке, в России и на Западе: Трансграничные миграции и диаспоры* (с. 145–158). Нестор-История.
- Тень «Черкизона» легла на Екатеринбург. (2009). RusBusinessNews. <https://www.rusbiznews.ru/news/n560.html>
- Теперь причастен и министр торговли: Кому на самом деле принадлежит вьетнамский рынок в Дёме. (2021). Ufa1.ru. Уфа онлайн. <https://ufa1.ru/text/gorod/2021/11/15/70249496/>
- Только для смелых: Дешевые вьетнамские магазины и общепит в Марьиной роще. (2019). Московская перспектива. <https://mperspektiva.ru/topics/tolko-dlya-smelykh-deshevyevetnamskie-magaziny-i-obshchepit-v-mariinoy-roshche/>
- Тузова, А. Ш. (2017). Российские семейные вьетнамцы: Дилемма «вернуться или остаться». *Этнографическое обозрение*, 6, 76–92.
- Тысяча вьетнамцев шили одежду в подпольном цехе в Москве. (2009). РБК. <https://www.rbc.ru/society/21/08/2009/5703d5d89a7947733180a78d>
- Тюрина, И. О. (2009). Мигранты из Вьетнама на московском рынке труда: Социальные характеристики и проблемы адаптации. *Россия реформирующаяся*, 8, 257–285.
- Урбански, С. (2023). *За степным фронтиром: История российско-китайской границы*. Новое литературное обозрение.
- Уровень ксенофобии и межнациональной напряженности, отношение к приезжим. (2024). Левада-центр**. <https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/>
- Урри, Дж. (2012). *Мобильности*. Праксис.
- Уфимские вьетнамцы: «Мы боимся мести со стороны русских!» (2005). Комсомольская правда. Уфа. <https://www.ufa.kp.ru/daily/23556.4/202744/>
- УФМС Башкирии: Приток мигрантов связан с закрытием Черкизовского рынка. (2010). РИА Новости. <https://ria.ru/20100316/214775608.html>

** Признан в РФ иностранным агентом

References

- Avdashkin, A. (2024). The Vietnamese Market in a Post-Soviet City: History, Social Boundaries, and Infrastructure (A Case Study of Magnitogorsk). *Journal of Frontier Studies*, 9(1), 36–59. <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i1.540> (In Russian).
- Balaž, V., & Williams, A. M. (2005). Vietnamese Community in Slovakia. *Sociologia-Slovak Sociological Review*, 3(37), 249–274.
- Bazekina, Ya. (2019). “V magazinakh trudno nayti myaso lyagushek i zmey”: Chto v'etnamtsi dumayut o zhizni v Bashkirii. *Komsomol'skaya pravda*. Ufa. <https://www.ufa.kp.ru/daily/27049/4115335/> (In Russian).

- Chesnokov, A. (2011). *Sự di cư qua lại Nga-Việt: Những khía cạnh lịch sử, kinh tế-xã hội và chính trị*. [Migration between Russia and Vietnam: Historical, socio-economic and political aspects]. Vietnam National University. (In Vietnamese).
- Dyatlov, V. I. (2020). 'Ethnic Markets' – Migrant Localities in Post-soviet Urban Spaces. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(4), 577–592. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592> (In Russian).
- Gazeti pishut o pervikh rezul'tatakh otlucheniya inostrantsev ot rinkov. (2007). Demoskop Weekly. <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/gazeta025.php#1> (In Russian).
- Hoang, L. A. (2020). *Vietnamese Migrants in Russia: Mobility in Times of Uncertainty*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv15d7zx2>
- Hoang, L. A. (2023). Migrant immobilities in the periphery: Insights from the Vietnam–Russia corridor. *Mobilities*, 18(6), 985–999. <https://doi.org/10.1080/17450101.2023.2177183>
- Huwelmeier, G. (2013). Bazaar Pagodas – Transnational Religion, Postsocialist Marketplaces and Vietnamese Migrant Women in Berlin. *Religion and Gender*, 3(1), 76. <https://doi.org/10.18352/rg.8414>
- Jinhui, W. (2024). The Chinese Diaspora of the Russian Far East: History, Modernity, and Prospects. *Quaestio Rossica*, 12(1). <https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.865> (In Russian).
- Kamenskikh, M. S. (2011). *Kitaytsi na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI v.* Mamatov. (In Russian).
- Konrad, S. (2018). *Chto takoe global'naya istoriya?* Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Mazirin, V. M. (2004). *V'etnamskie migranti v sovremennoy Rossii: Puti vzniknoveniya, obraz zhizni, otlichitel'nie cherti i osobennosti*. In *Problema nezakonnoy migratsii v Rossii: Realii i poisk resheniy* (pp. 357–410). Gendal'f. (In Russian).
- Mikhaylova, E., & Tyuryukanova, E. (2008). *Migranti v roznichnoy trgovle: Effekt zapretov*. In G. Vitkovskaya, A. Platonova, & V. Shkol'nikova (Ed.), *Migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: Pravopriemitel'naya praktik* (pp. 237–266). IT “Adamant”. (In Russian).
- Nguyễn Huy Hoàng. (2009). *Cộng đồng người Việt nơi thủ phủ Ural*. [Vietnamese community in the Ural capital]. Mekong News. <http://mekongnet.ru/index.php?mod=News&sid=6927> (In Vietnamese)
- Nowicka, E. (2015). Between the Devil and the Deep Blue Sea: Acculturation of Young Vietnamese Women in Poland. *Central and Eastern European Migration Review*, 1, 67–80.
- Nožina, M. (2010). Crime networks in Vietnamese diasporas. The Czech Republic case. *Crime, Law and Social Change*, 53(3), 229–258. <https://doi.org/10.1007/s10611-009-9226-9>
- Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novikh nezavisimikh gosudarstv. (n. d.). <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (In Russian).
- Peshkova, V. M. (2023). Types and Development Stages of Migrant Entrepreneurship in Russia. *Changing Societies & Personalities*, 7(4), 93. <https://doi.org/10.15826/csp.2023.7.4.253>
- Politseyskie navedalis' na Demskiy rינוk v Ufe. (2019). Mkset.ru. <https://mkset.ru/news/2019-03-10/politseyskie-navedalis-na-demskiy-rynok-v-ufe-1850703> (In Russian).
- Rastet prestupnost', svyazannaya s inostrancami. (2003). Demoskop Weekly. <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0135/barom06.php> (In Russian).

- Ryazantsev, S. V., & Piskunov, S. A. (2023). Organized Labor Migration of Vietnamese in Russia: History and Modernity. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7(3-2), 39-52. <https://doi.org/10.54631/V.S.2023.732-288542> (In Russian).
- Ryazantsev, S. V., Le Duk, A., Fung Huy, Kh., & Moiseeva, E. M. (2022). Overseas Vietnamese in Russia and Their Contributions to the Promotion of Bilateral Relations. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6(3), 34-45. <https://doi.org/10.54631/V.S.2022.63-106318> (In Russian).
- Ryzhova, N.P.(2008). Blagoveshchensk: in Search of a “Chinatown”. *Ethnographic Review*, 4, 17-31. (In Russian).
- Sakhadeo, Dzh. (2023). *Golosa sovetskikh okrain. Zhizn' yuzhnikh migrantov v Leningrade i Moskve. Novoe literaturnoe obozrenie.* (In Russian).
- Schwenkel, C. (2014). Rethinking Asian Mobilities: Socialist Migration and Post-Socialist Repatriation of Vietnamese Contract Workers in East Germany. *Critical Asian Studies*, 46(2), 235-258. <https://doi.org/10.1080/14672715.2014.898453>
- Slyozi v'etnamtsev: V Orenburge gorit rinok. (2017). Regnum. <https://regnum.ru/news/2352591> (In Russian).
- Sokolov, A. (2011). V'etnamtsi v Rossii: Istoriya, kul'tura, integratsiya. *Diaspori*, 1, 219-244. (In Russian).
- Sokolov, A. (2016). V'etnamtsi v Rossii: Istoriya migratsiy i diaspori. In S. Panarin (Ed.), *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: Transgranichnie migratsii i diaspori* (pp. 145-158). Nestor-Istoriya. (In Russian).
- State Archive of the Russian Federation (SARF). (n. d.). (In Russian).
- Ten' «Cherkizona» legla na Ekaterinburg. (2009). RusBusinessNews. <https://www.rusbiznews.ru/news/n560.html> (In Russian).
- Teper' prichasten i ministr trgovli: Komu na samom dele prinadlezhit v'etnamskiy rinok v Dyome. (2021). Ufa1.ru. Ufa onlayn. <https://ufa1.ru/text/gorod/2021/11/15/70249496/> (In Russian).
- Tisyacha v'etnamtsev shili odezhdu v podpol'nom tsekhe v Moskve. (2009). RBC. <https://www.rbc.ru/society/21/08/2009/5703d5d89a7947733180a78d> (In Russian).
- Tol'ko dlya smelikh: Deshevie v'etnamskie magazini i obshchepit v Mar'inoy rosche. (2019). Moskovskaya perspektiva. <https://mperspektiva.ru/topics/tolko-dlya-smelykh-deshevye-vetnamskie-magaziny-i-obshchepit-v-marinoy-roshche/> (In Russian).
- Tuzova, A. Sh. (2017). Rossiyskie semeynie v'etnamtsi: Dilemma “vernut'sya ili ostat'sya”. *Ethnographic Review*, 6, 76-92. (In Russian).
- Tyurina, I. O. (2009). Migranti iz V'etnama na moskovskom rinke truda: Sotsial'nie kharakteristiki i problemi adaptatsii. *Rossiya reformiruyuschayasya*, 8, 257-285. (In Russian).
- Ufimskie v'etnamtsi: “Mi boimsya mesti so storoni russkikh!” (2005). Komsomol'skaya pravda. Ufa. <https://www.ufa.kp.ru/daily/23556.4/202744/> (In Russian).
- UFMS Bashkirii: Pritok migrantov svyazan s zakritiem Cherkizovskogo rinka. (2010). RIA Novosti. <https://ria.ru/20100316/214775608.html> (In Russian).
- United State Archive of the Chelyabinsk Region (USA ChR). (n. d.). (In Russian).
- Urbanski, S. (2023). *Za stepnim frontirom: Istoriya rossiysko-kitayskoy granitsi.* Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

- Uroven' ksenofobii i mezhnatsional'noy napryazhennosti, otnoshenie k priezzhim. (2024). Levada-tsentr**. <https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/> (In Russian).
- Urri, Dzh. (2012). Mobil'nosti. Praksis. (In Russian).
- V Ekaterinburge zakryli podpol'niy tsekh nelegal'nikh migrantov. (2013). Pravda UrFO. <https://pravdaurfo.ru/news/v-ekaterinburge-zakryli-podpolnyy-ceh-nelegalnyh-migrantov/> (In Russian).
- Valeev, A. V. (2008). *V'etnamskaya diaspora v Respublike Bashkortostan* [Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk]. Ufimskiy nauchniy tsentr RAN. (In Russian).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., & Ivanova, N. S. (2021). Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas Around Markets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 425–449. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1939> (In Russian).
- Varshaver, E., Rocheva, A., Ivanova, N., & Ermakova, M. (2020). Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *Sotsiologicheskoe Obozrenie / Russian Sociological Review*, 19(2), 225–253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253> (In Russian).
- V'etnamskiy rinok v Deme vremenno zakrivaetsya. (2007). Komsomol'skaya pravda. Ufa. <https://www.ufa.kp.ru/daily/23837.5/204323/> (In Russian).
- V'etnamtsam podlozhili fugas. (2004). Kommersant'. <https://www.kommersant.ru/doc/468328> (In Russian).
- Viet Nam. (n.d.). The World Bank. <https://data.worldbank.org/country/viet-nam?view=chart>
- Vo v'etnamskom obschezhitii v Moskve zaderzhani narkotorgovtisi. (2012). RIA Novosti. <https://ria.ru/20120412/624959241.html> (In Russian).
- Vsemirniy bank: Uroven' bednosti vo V'etname znachitel'no snizilsya. (2022). Elektronnyaya gazeta Kommunisticheskoy partii V'etnama. <https://ru.dangcongsan.vn/vjetnam-stremlenie-k-procvetaniyu/vsemirnij-bank-urovenj-bednosti-vo-vjetname-znachiteljno-snizilsya-6446.html> (In Russian).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002. (n. d.). <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78> (In Russian).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010. (n. d.). https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom11.htm (In Russian).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020. (n. d.). <https://fadn.gov.ru/otkrito-agenstvo/vserossiyskaya-perepis-naseleniya-2020/> (In Russian).
- Zabyelina, Y. (2012). Costs and benefits of informal economy: Shuttle trade and crime at Cherkizovsky market. *Global Crime*, 13(2), 95–108. <https://doi.org/10.1080/17440572.2012.674185>

** Recognised as a foreign agent in the Russian Federation